

Серия
«Школьная программа по чтению»

Александр Куприн
Белый пудель

Издание 4-е

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1
КТК 610
К92

Куприн, Александр.

К92 Белый пудель / Александр Куприн. — Изд. 4-е. — Ростов н/Д : Феникс, 2023. — 94 с. — (Школьная программа по чтению).

ISBN 978-5-222-39557-8

Александр Иванович Куприн (1870–1938) — выдающийся русский писатель-реалист. Родился в небольшом уездном городе Наровчате (ныне Пензенская область) в семье потомственных дворян. Отец будущего писателя умер в 1871 году, через год после рождения сына. Для семьи наступили трудные времена, и мать была вынуждена отдать мальчика в сиротский пансион. В 1880 году Куприн поступил во Вторую Московскую военную гимназию, в 1887 году — в Александровское военное училище. В 1890–1894 гг. Александр Иванович в чине подпоручика служил в 46-м Днепровском полку в Подольской губернии. В 1894 году вышел в отставку и переехал в Киев. Гражданской специальности у него не было, и, прежде чем взяться за перо, он поменял множество профессий. А.И. Куприн был любознательным человеком, ему было интересно попробовать себя в разных ролях. Сам он в шутку говорил друзьям, что «хотел бы на несколько дней сделаться лошадей, растением или рыбою».

Первое произведение А.И. Куприна — рассказ «Последний дебют» — было опубликовано в 1889 году, когда он был курсантом военного училища. Когда об этом стало известно начальству, Куприна посадили на два дня в карцер. Тогда он поклялся себе оставить литературные опыты и не прикасаться к перу и бумаге. Однако знакомство с Бунинным, Чеховым и Горьким в конце 1890-х гг. заставило его забыть о данном когда-то слове.

В 1901 году А.И. Куприн переехал в Петербург и начал работать секретарем «Журнала для всех». К этому времени читающая публика по достоинству оценила его литературный талант, а повесть «Поединок», опубликованная в 1905 году, окончательно закрепила за ним славу мастера слова.

Сюжет рассказа «Белый пудель» основан на реальных событиях, писатель был знаком с этой группой артистов лично. История, рассказанная Серёжей, взволновала А.И. Куприна. В этом простом сюжете обозначены две важные для писателя темы — тема социального неравенства и тема взаимоотношений людей и животных. Автор очень четко противопоставляет поведение Серёжи и Трилли. Сын барыни неуклюж и избалован, равнодушен к природе, Серёжа ловок, силен и решителен. Юный артист и мысли не допускает о том, что можно бросить четвероногого друга в беде, для Трилли же существуют только его потребности, о чужих чувствах и желаниях он даже не задумывается.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-222-39557-8 © Оформление: Феникс, 2021
© Иллюстрация: Екатерина Буслаева, 2018

I

Узкими горными тропинками, от одного дачного посёлка до другого, пробиралась вдоль южного берега Крыма маленькая бродячая труппа. Впереди обыкновенно бежал, свесив набок длинный розовый язык, белый пудель Арто, стриженный наподобие льва. У перекрёстков он останавливался и, махая хвостом, вопросительно оглядывался назад.

По каким-то ему одному известным признакам он всегда безошибочно узнавал дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопом вперёд. За собакой шёл двенадцатилетний мальчик Сергей, который держал под левым локтем свёрнутый ковёр

для акробатических упражнений, а в правой нёс тесную и грязную клетку со щеглом, обученным вытаскивать из ящика разноцветные бумажки с предсказаниями на будущую жизнь. Наконец сзади плёлся старший член труппы — дедушка Мартын Лодыжкин, с шарманкой на скрюченной спине.

Шарманка была старинная, страдавшая хрипотой, кашлем и перенёсшая на своём веку не один десяток починок. Играла она две вещи: унылый немецкий вальс Лаунера и галоп из «Путешествия в Китай» — обе бывшие в моде лет тридцать-сорок тому назад, но теперь всеми позабытые. Кроме того, были в шарманке две предательские трубы. У одной — дискантовой — пропал голос; она совсем не играла, и поэтому, когда до неё доходила очередь, то вся музыка начинала как бы заикаться, прихрамывать

и спотыкаться. У другой трубы, издававшей низкий звук, не сразу закрывался клапан: раз загудев, она тянула одну и ту же басовую ноту, заглушая и сбивая все другие звуки, до тех пор пока ей вдруг не приходило желание замолчать. Дедушка сам признавал эти недостатки своей машины и иногда замечал шутливо, но с оттенком тайной грусти:

— Что поделаешь?.. Древний орган... простудный... Заиграешь — дачники обижаются: «Фу, говорят, гадость какая!» А ведь пьесы были очень хорошие, модные, но только нынешние господа нашей музыки совсем не обожают. Им сейчас «Гейшу» подавай, «Под двуглавым орлом», из «Продавца птиц» — вальс. Опять-таки трубы эти... Носил я орган к мастеру — и чинить не берётся. «Надо, говорит, новые трубы

ставить, а лучше всего, говорит, продай ты свою кислую дребедень в музей... вроде как какой-нибудь памятник...» Ну, да уж ладно! Кормила она нас с тобой, Сергей, до сих пор, бог даст и ещё покормит.

Дедушка Мартын Лодыжкин любил свою шарманку так, как можно любить только живое, близкое, пожалуй, даже родственное существо. Свыкнувшись с ней за многие годы тяжёлой бродячей жизни, он стал наконец видеть в ней что-то одухотворённое, почти сознательное. Случалось иногда, что ночью, во время ночлега, где-нибудь на грязном постоялом дворе, шарманка, стоявшая на полу, рядом с дедушкиным изголовьем, вдруг издавала слабый звук, печальный, одинокий и дрожащий: точно старческий вздох. Тогда Лодыжкин тихо гладил её

по резному боку и шептал ласково:

— Что, брат? Жалуешься?..
А ты терпи...

Столько же, сколько шарманку, может быть, даже немного больше, он любил своих младших спутников в вечных скитаниях: пуделя Арто и маленького Сергея. Мальчика он взял пять лет тому назад «напрокат» у забулдыги, вдового сапожника, обязавшись за это уплачивать по два рубля в месяц. Но сапожник вскоре умер, и Сергей остался навеки связанным с дедушкой и душой, и мелкими житейскими интересами.

II

Тропинка шла вдоль высокого прибрежного обрыва, извиваясь в тени столетних маслин. Море иногда мелькало между деревьями, и тогда казалось, что, уходя

вдаль, оно в то же время подымается вверх спокойной могучей стеной, и цвет его был ещё синее, ещё гуще в узорчатых про-
резах, среди серебристо-зелёной листвы. В траве, в кустах кизилия и дикого шиповника, в виноградниках и на деревьях — повсюду заливались цикады; воздух дрожал от их звенящего, однообразного, неумолчного крика. День выдался знойный, безветренный, и накалившаяся земля жгла подошвы ног.

Сергей, шедший, по обыкновению, впереди дедушки, остановился и ждал, пока старик не поравнялся с ним.

— Ты что, Серёжа? — спросил шарманщик.

— Жара, дедушка Лодыжкин... нет никакого терпения! Исккупаться бы...

Старик на ходу привычным движением плеча поправил на спи-

не шарманку и вытер рукавом вспотевшее лицо.

— На что бы лучше! — вздохнул он, жадно поглядывая вниз, на прохладную синеву моря. — Только ведь после купанья ещё больше разморит. Мне один знакомый фельдшер говорил: соль эта самая на человека действует... значит, мол, расслабляет... Соль-то морская...

— Врал, может быть? — с сомнением заметил Сергей.

— Ну, вот, врал! Зачем ему врать? Человек солидный, непьющий... домишко у него в Севастополе. Да потом здесь и спуститься к морю негде. Подожди, дойдём ужотко* до Мисхора, там и пополощем телеса свои грешные. Перед обедом оно лестно, испупаться-то... а потом, значит, поспать трошки... и отличное дело...

* Ужотко — позже, потом.

Арто, услышавший сзади себя разговор, повернулся и подбежал к людям. Его голубые добрые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания.

— Что, брат пёсик? Тепло? — спросил дедушка.

Собака напряжённо зевнула, завив язык трубочкой, затряслась всем телом и тонко взвизгнула.

— Н-да, братец ты мой, ничего не поделаешь... Сказано: в поте лица твоего, — продолжал настаивательно Лодыжкин. — Положим, у тебя, примерно сказать, не лицо, а морда, а всё-таки... Ну, пошёл, пошёл вперёд, нечего под ногами вертеться... А я, Серёжа, признаться сказать, люблю, когда эта самая теплынь. Орган вот только мешает, а то, кабы не работа, лёг бы где-нибудь на траве,

в тени, пузом, значит, вверх, и полёживай себе. Для наших старых костей это самое солнце — первая вещь.

Тропинка спустилась вниз, соединившись с широкой, твёрдой, как камень, ослепительно-белой дорогой. Здесь начинался старинный графский парк, в густой зелени которого были разбросаны красивые дачи, цветники, оранжереи и фонтаны. Лодыжкин хорошо знал эти места; каждый год обходил он их одно за другим во время виноградного сезона, когда весь Крым наполняется нарядной, богатой и весёлой публикой. Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые. Магнолии, с их твёрдыми и блестящими, точно лакированными, листьями и белыми, с большую тарелку величиной, цве-

Литературно-художественное издание

Александр КУПРИН

БЕЛЫЙ ПУДЕЛЬ

Ответственный редактор	<i>Д. Волкова</i>
Выпускающий редактор	<i>Г. Логвинова</i>
Компьютерная верстка:	<i>А. Патулова</i>

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 5 000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 04.2023.
Срок годности не ограничен

Отпечатано в ООО «Принт-М»
142300, Россия, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов 1 /
Корпус Производственный Б, помещение 279, этаж 4.